

По просьбе слушателей Школы юного филолога мы публикуем статью по занимательному литературоведению известного ученого и публициста Б.Сарнова. Живая манера размышления над страницами русской классики, точность наблюдений и эрудиция автора представляет интерес для всех, кто всерьез относится к Слову.

РАЗГАДКА ТАЙНЫ ТРЕХ КАРТ В ПОВЕСТИ

А. С. ПУШКИНА "ПИКОВАЯ ДАМА"

Вы, конечно, помните повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама», особенно, наверное, вам помнится её трагический конец.

И, наверное, вам больше пришелся бы по душе счастливый конец, чтобы Германн в финале получил то, о чем мечтал. Однако Пушкин, очевидно, думал иначе. В противном случае он не стал бы так радикально.

Поясим: на замысел этой повести Пушкина натолкнула история. Даже не история, а анекдот. Очень короткий:

ИЗ КНИГИ П. И. БАРТЕНЕВА - "РАССКАЗЫ О ПУШКИНЕ, ЗАПИСАННЫЕ СО СЛОВ ЕГО ДРУЗЕЙ"

Молодой князь Голицын рассказал Пушкину, что однажды он проигрался в карты и пришел просить денег к своей бабке, княгине Наталье Петровне Голицыной. Денег она ему не дала, а дала три карты, назначенные ей в Париже Сен-Жерменом. "Попробуй", сказала бабушка. Внучек поставил карты и отыгрался.

Как видите, в истории, которую юный князь Голицын рассказал Пушкину, конец был самый счастливый. Но Пушкина этот счастливый конец почему-то не устроил. Как вы думаете, почему?

Тут даже и думать нечего, - скажете вы, ведь автору, видимо, показалось, что так будет эффектнее. Вот он и напридумывал всяких ужасов, накрутил разной мистики... Смерть старой графини... Явление ее Германну с того света... Ну и, разумеется, месть... Это ведь она в отместку Германну обманула его и подсунула другую карту - пиковую даму вместо туза...

Так вы будете утверждать, потому что вы, скорее всего, ознакомились с мнением известного уже вам Николая Чернышевского - знаменитого русского критика и теоретика искусства, и знаете его утверждение, что писатели напрасно изменяют по своему произволу сюжеты, которые берут из жизни. И он предположил, что делают они это, как Чернышевский выразился, "для литературной эффектности".

Итак, обратимся к образу Германа, ведь с него мы начали свой разговор.

Кстати, обратили ли вы внимание на сходство Германа с Наполеоном? Помните, Пушкин словно бы вскользь замечает:

"У него профиль Наполеона..." Вдумайтесь в глубинный смысл этого

Сходства, ведь в литературе такие совпадения всегда несут в себе особый смысл.

Что же может в этом человеке привлекать?

Прежде всего – это его яркая незаурядность. Вот, кстати, еще одна важная деталь: обратите внимание на эпиграф, который Пушкин поставил к первой части этой своей повести:

*А в ненастные дни
Собирались они
Часто.
Гнули, Бог их прости,
От пятидесяти
На сто.
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.*

Это стихотворение самого Пушкина. Впервые он привел его в своем письме Вяземскому от первого сентября тысяча восемьсот двадцать восьмого года: "Я продолжаю, - писал он в этом письме, - образ жизни, воспетый мною таким образом". И далее следовал текст этого шуточного стихотворения. Позже, в слегка измененном виде, он поставил его эпиграфом к "Пиковой даме". Обратите ваше внимание на его форму, на ритмику, интонацию: форма весьма изящна, интонация легка, грациозна, непринужденна, как, впрочем, почти все у Пушкина... но не в этом дело...

Обратимся к журналу "Русская старина" за тысяча восемьсот восемьдесят четвертый год. Август. Здесь впервые была отмечена родословная этого пушкинского отрывка в описании рукописей Пушкина, выполненном известным историком русской литературы Вячеславом Евгеньевичем Якушкиным:

- "Отрывок из известной песни - "Знаешь те острова..." - принадлежащей многим авторам..."

Поясним: стихотворение сочинил действительно Пушкин. Но современниками, знающими, в чем тут дело, оно воспринималось как отрывок из песни, сочиненной раньше. А песенка эта была сочинена Рылеевым и Бестужевым-Марлинским. И содержание песенки было весьма примечательное. (Найти её можно в собрании сочинений Рылеева)

Нас будет интересовать не начало песенки:

*- Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы!..*

А второй отрывок:

*Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.*

*Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.*

*Как курносый злодей
Воцарился на ней.
Горе!
Но Господь, русский Бог,
Бедным людям помог
Вскоре.*

Вы догадались, на какие обстоятельства российской истории намекает эта шуточная песенка?

А ведь она весьма прозрачно намекала на убийство Петра Третьего, инспирированное его женой Екатериной, и на удушение Павла Первого. "Курносый злодей", о котором здесь говорится, это ведь не кто иной, как император Павел. А помог русским людям избавиться от этого «курносого злодея» не столько Бог, сколько вполне конкретные люди, имена которых авторам этой песенки, как, впрочем, и Пушкину, были хорошо известны.

При чем же здесь тогда герой пушкинской "Пиковой дамы"? А вот при чём: поставив эпиграфом к первой части "Пиковой дамы" шуточный стишок о карточной игре, написанный в форме продолжения этой крамольной песенки, Пушкин, скорее всего, хотел сказать примерно следующее. Были времена, словно бы говорит он, когда люди, подобные моему герою, такие вот решительные, смелые, сильные люди участвовали в большой политической игре. Совершали революции, дворцовые перевороты. Но времена изменились. И теперь уделом этих сильных личностей - вспомните, у Германа профиль Наполеона! - стала, увы, совсем другая борьба: за карточным столом. Понтировать, выигрывать, отписывать мелом выигрыш и проигрыш, гнуть от пятидесяти на сто - вот оно, то единственное дело, в котором только и может выплеснуться пламень, сжигающий их душу. Не забывайте, что песенка Рылеева и Бестужева была написана году примерно в тысяча восемьсот двадцать третьем, то есть до событий на Сенатской площади. А продолжение этой песенки Пушкин написал в тысяча восемьсот двадцать восьмом, в эпоху глухой политической реакции, когда один из авторов этой песенки был уже повешен, а второй приговорен к каторге, впоследствии замененной солдатчиной. И поэтому, конечно можно сочувствовать Герману от всей души, и жалеть, что Пушкин не нашел ничего лучшего, чем уготовить этому своему герою столь печальный конец. Однако печальный конец его представляется весьма закономерным. И даже неизбежным.

Вы скажете, что ведь молодой князь Голицын, историю которого Пушкин положил в основу сюжета "Пиковой дамы» был порядочным шалопаем...

История молодого князя Голицына предельно проста. Он проигрался в пух и прах. Бабка его пожалела и дала ему возможность отыграться. Вина его в ее глазах была, вероятно, не так уж велика. К тому же, не забывайте, он был все-таки ее родной внук.

Но история же Германна - совсем другая. И стала она другой прежде всего потому, что Пушкин решил поставить в центр своей повести именно такого человека, как Германн.

Ведь у него, как говорит Пушкин, был профиль Наполеона и это очень важно. В этом сходстве с Наполеоном - ключ к характеру Германна. И, если хотите, ключ ко всей повести. Вспомните такие строки Пушкина:

*Мы все глядим в Наполеоны.
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...*

Таким образом, Пушкин вовсе не восхищался Наполеоном. Да, было время, когда он им восхищался. И даже называл его гением и властителем своих дум. Но в ту пору, когда он задумал "Пиковую даму", его отношение к Наполеону было уже совсем иным. И сходство Германна с Наполеоном в глазах Пушкина теперь уже свидетельствовало не столько о яркой незаурядности этого его героя - хотя и о ней, конечно, тоже, - сколько о его способности пройти по трупам ради достижения своей цели.

Вспомните: "Двуногих тварей миллионы для нас орудие одно". Распорядиться жизнями миллионов Германну не дано. Но жизнь Лизаветы Ивановны, которую он обманул, жизнь старухи графини, которую он, в сущности, отправил на тот свет, обе эти жизни были для него лишь орудием для получения богатства, к которому он так стремился.

Итак, теперь вы скажете: Германн получил по заслугам, но тогда свою повесть Пушкину следовало закончить совсем не так, а разоблачить Германна. Чтобы не было этого мистического тумана, чтобы все было просто, ясно, логично, как в детективе.

Однако Пушкин сочинял не детектив. В детективе главное - разоблачить преступника. Преступник разоблачен, схвачен - вот и развязка. А что творится у преступника в душе, это автора детективного романа, как правило, не интересует. Пушкина же интересовала в первую очередь душа его героя. Он хотел, чтобы возмездие пришло к Германну не извне, а, так сказать, изнутри. Чтобы источником и даже орудием этого возмездия оказалась его собственная совесть.

—При чем тут совесть? - удивитесь вы. — Ведь это графиня с того света отомстила Германну. Не даром же эта злосчастная пиковая дама подмигнула ему, и он с ужасом узнал в ней старуху. Это ведь явный мистический мотив.

Однако в таком случае, вы не совсем верно прочли эту пушкинскую повесть.

Вот, например, скажите, как вы полагаете: старая графиня действительно приходила к Герману с того света? Или бедняге все это просто померещилось?

Вы скажете, что тут возможны два варианта и уточните, что очень сомнительно, чтобы такой умный человек, как Пушкин, всерьез верил в черную и белую магию, в привидения, в злобную месть всяких потусторонних сил, в мертвецов, которые являются с того света и делают предсказания, которые потом сбываются.

Ведь и Бальзак, я полагаю, тоже не верил в колдовство. Однако это не помешало ему написать "Шагреновую кожу"... Да мало ли, наконец, на свете и других фантастических повестей!

Итак, вы придёте к выводу, что "Пиковая дама" - произведение фантастическое. Или же сделаете предположение, что все таинственное и загадочное в этой пушкинской повести объясняется совсем просто, а именно тем, что Германн сошел с ума не в конце повести, а гораздо раньше. И все эти так называемые фантастические события - просто плод его больного воображения.

И вы действительно ухватили самую суть проблемы. То есть вам удалось правильно поставить вопрос. Что же касается решения этого вопроса, то оно потребует серьезного изучения.

Для начала, необходимо подробно рассмотреть это таинственное появление покойницы графини:

ИЗ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

*В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон В***.
Она была вся в белом и сказала мне: «Здравствуйте, господин советник!»
Шведенборг*

Целый день Германн был чрезвычайно расстроен. Обедая в уединенном трактире, он, против обыкновения своего, пил очень много, в надежде заглушить внутреннее волнение. Но вино еще более горячило его воображение. Возвратясь домой, он бросился, не раздеваясь, на кровать и крепко заснул.

Он проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три. Сон у него прошел; он сел на кровать и думал о похоронах старой графини.

В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, — и тотчас отошел. Германн не обратил на то никакого внимания. Через минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате. Германн думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье. Германн принял ее за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести ее в такую пору. Но белая женщина, скользнув, очутилась вдруг перед ним, — и Германн узнал графиню!

— Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твердым голосом, — но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и туз выиграют тебе сряду, но с тем, чтобы ты в сутки более одной карты не ставил и чтоб во всю жизнь уже после не играл. Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...

С этим словом она тихо повернулась, пошла к дверям и скрылась, шаркая туфлями. Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко.

Германн долго не мог опомниться. Он вышел в другую комнату. Денщик его спал на полу; Германн насилу его добудился. Денщик был пьян по обыкновению: от него нельзя было добиться никакого толку. Дверь в сени была заперта. Германн возвратился в свою комнату, зажег свечку и записал свое видение.

А теперь вернемся к событиям, которые предшествовали этому таинственному эпизоду.

Ведь, как правило, все зависит именно от частных, от якобы незначущих подробностей.

Обратимся к образу Лизаветы Ивановны.

Вспомните: сперва она вела себя, как должно: она отсылала письма и записки Германа, не читая. Но потом, она стала их не просто читать, а упиваться ими. А затем она стала на них отвечать.

А однажды она кинула ему в окошко вот это письмо:

"Сегодня бал у посланника. Графиня там будет. Мы останемся часов до двух. Вот вам случай увидеть меня наедине... Приходите в половине двенадцатого. Ступайте прямо на лестницу... Из передней ступайте налево, идите все прямо до графининой спальни. В спальне за ширмами увидите две маленькие двери: справа в кабинет, куда графиня никогда не входит; слева в коридор, и тут же узенькая витая лестница: она ведет в мою комнату..."

Вы помните, как все это кончилось:

ИЗ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

7 Mai 18**.

Homme sans mœurs et sans religion!

Переписка.

7 мая 18**.

Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого! (франц.)

*Лизавета Ивановна сидела в своей комнате, еще в бальном своем наряде, погруженная в глубокие размышления. Приехав домой, она спешила отослать заспанную девку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, — сказала, что разденется сама, и с трепетом вошла к себе, надеясь найти там Германна и желая не найти его. С первого взгляда она удостоверилась в его отсутствии и благодарила судьбу за препятствие, помешавшее их свиданию. Она села, не раздеваясь, и стала припоминать все обстоятельства, в такое короткое время и так далеко ее завлекшие. Не прошло трех недель с той поры, как она в первый раз увидела в окошко молодого человека, — и уже она была с ним в переписке, — и он успел вытребовать от нее ночное свидание! Она знала имя его потому только, что некоторые из его писем были им подписаны; никогда с ним не говорила, не слыхала его голоса, никогда о нем не слыхала... до самого сего вечера. Странное дело! В самый тот вечер, на бале, Томский, дуясь на молодую княжну Полину ***, которая, против обыкновения, кокетничала не с ним, желал отомстить, оказывая равнодушие: он позвал Лизавету Ивановну и танцевал с нею бесконечную мазурку. Во все время шутил он над ее пристрастием к инженерным офицерам, уверял, что он знает гораздо более, нежели можно было ей предполагать, и некоторые из его шуток были так удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала несколько раз, что ее тайна была ему известна.*

— От кого вы все это знаете? — спросила она смеясь.

— От приятеля известной вам особы, — отвечал Томский, — человека очень замечательного!

— Кто ж этот замечательный человек?

— Его зовут Германном.

Лизавета Ивановна не отвечала ничего, но ее руки и ноги поледенели...

— Этот Германн, — продолжал Томский, — лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодеяния. Как вы побледнели!..

— У меня голова болит... Что же говорил вам Германн, — или как бишь его?..

— Германн очень недоволен своим приятелем: он говорит, что на его месте он поступил бы совсем иначе... Я даже полагаю, что Германн сам имеет на вас виды, но крайней мере он очень неравнодушно слушает влюбленные восклицания своего приятеля.

— Да где ж он меня видел?

— В церкви, может быть, — на гулянье!.. Бог его знает! может быть, в вашей комнате, во время вашего сна: от него станет...

Подошедшие к ним три дамы с вопросами — *oubli ou regret?* — прервали разговор, который становился мучительно любопытен для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томским, была сама княжна ***. Она успела с ним изъясниться, избежав лишний круг и лишний раз повертевшись перед своим стулом. Томский, возвратясь на свое место, уже не думал ни о Германне, ни о Лизавете Ивановне. Она непременно хотела возобновить прерванный разговор; но мазурка кончилась, и вскоре после старая графиня уехала.

Слова Томского были не что иное, как мазурочная болтовня, но они глубоко заронились в душу молодой мечтательницы. Портрет, набросанный Томским, сходствовал с изображением, составленным ею самою, и, благодаря новейшим романам, это уже пошлое лицо пугало и пленяло ее воображение. Она сидела, сложив крестом голые руки, наклонив на открытую грудь голову, еще убранную цветами... Вдруг дверь отворилась, и Германн вошел. Она затрепетала...

— Где же вы были? — спросила она испуганным шепотом.

— В спальне у старой графини, — отвечал Германн, — я сейчас от нее. Графиня умерла.

— Боже мой!.. что вы говорите?..

— И кажется, — продолжал Германн, — я причиною ее смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томского раздалась в ее душе: у этого человека по крайней мере три злодеяния на душе! Германн сел на окошко подле нее и все рассказал.

Лизавета Ивановна выслушала его с ужасом. Итак, эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, все это было не любовь! Деньги, — вот чего алкала его душа! Не она могла утолить его желания и осчастливить его! Бедная воспитанница была не что иное, как слепая помощница разбойника, убийцы старой ее благодетельницы!.. Горько заплакала она в позднем, мучительном своем раскаянии. Германн смотрел на нее молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его. Он не чувствовал угрызения совести при мысли о мертвой старухе. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения.

— Вы чудовище! — сказала наконец Лизавета Ивановна.

— Я не хотел ее смерти, — отвечал Германн, — пистолет мой не заряжен.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свечу: бледный свет озарил ее комнату. Она отерла заплаканные глаза и подняла их на Германна: он сидел на окошке, сложив руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Как вам выйти из дому? — сказала наконец Лизавета Ивановна. — Я думала провести вас по потаенной лестнице, но надобно идти мимо спальни, а я боюсь.

— Расскажите мне, как найти эту потаенную лестницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула из комода ключ, вручила его Германну и дала ему подробное наставление. Германн пожал ее холодную, безответную руку, поцеловал ее наклоненную голову и вышел.

Он спустился вниз по витой лестнице и вошел опять в спальню графини. Мертвая старуха сидела окаменев; лицо ее выражало глубокое спокойствие. Германн остановился перед нею, долго смотрел на нее, как бы желая удостовериться в ужасной истине; наконец вошел в кабинет, оцупал за обоями дверь и стал сходить по темной лестнице, волнуемый странными чувствованиями. По этой самой лестнице, думал он, может быть, лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причесанный à l'oiseau royal¹³), прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле, а сердце престарелой его любовницы сегодня перестало биться... Под лестницею Германн нашел дверь, которую отпер тем же ключом, и очутился в сквозном коридоре, выведшем его на улицу.

Обратите внимание на слова Томского:

"У этого человека, - сказал Томский, - по крайней мере три злодейства на душе".

А теперь обратите внимание на то, что в этот вечер Германн вовсе не казался Лизавете Ивановне злодеем. Напротив, он пробудил в ней сочувствие, хотя поступок его был ужасен: то, как он поступил с ней.

Эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование - все это было не любовь, стремление к обогащению.

Он хотел лишь одного: чтобы графиня открыла ему тайну трех карт. А Лизавета Ивановна выходила слепой помощницей разбойника, убийцы её старой благодетельницы.

Ведь не случайно она говорит: "Вы чудовище!"

Однако вспомните: «Он потупил голову и глухо ответил: "Я не хотел ее смерти. Пистолет мой не заряжен".

Чувствовал ли он угрызения совести при мысли о мертвой графине – это не известно. Но одно его ужасало, это точно: невозвратная потеря тайны, от которой он ожидал обогащения.

Итак, мы узнали, что Германн был в смятении. Внезапная смерть графини явилась для него полной неожиданностью. Виновником ее смерти он считал себя. И наконец, самое главное: он не мог примириться с мыслью, что тайну трех карт графиня навсегда унесла с собою в могилу. Все силы его души были нацелены на то, чтобы вырвать эту тайну у графини, хотя бы даже с того света.

Иными словами, явление графини может быть не что иное, как плод расстроенного воображения Германа.

Однако вернемся к образу Германа.

Вспомните все обстоятельства, которые непосредственно предшествовали ночному Видению Германа. Покойная графиня привиделась ему три дня спустя после той роковой ночи, когда он вошел в ее спальню с пистолетом в руке. Это было ночью, в четыре часа. Он тогда отчетливо слышал, как часы пробили четыре.

Накануне, в девять часов утра Герман отправился в монастырь, где должны были отпевать тело усопшей. Что же побудило его принять участие в церемонии? Раскаяние? Нет, раскаяния он не чувствовал. Однако все же Герман не мог совершенно заглушить голос совести, твердивший ему: ты убийца старухи!

...Итак, мы установили, что вопреки суждению Лизаветы Ивановны Германна все-таки мучила совесть. Следовательно, тот факт, что ему вдруг привиделась мертвая графиня, мог быть не чем иным, как прямым результатом терзаний его воспаленной совести.

Этот его рассказ о том, как ему почудилось, будто мертвая графиня взглянула на него с насмешкой, согласитесь, это сильно смахивает на галлюцинацию, и это вполне согласуется с предположением, что Германн сошел с ума не в самом конце повести, а гораздо раньше.

Это, быть может, сказано слишком сильно, но одно несомненно: Германн был в тот день в крайне возбужденном состоянии. А если к этому добавить его суеверие да еще тот факт, что перед тем, как свалиться в постель не раздеваясь и заснуть мертвым сном, он довольно много пил, а ведь алкоголь весьма способствует возникновению всякого рода галлюцинаций.

Как видите, есть все основания заключить, что в "Пиковой даме", в сущности, нет ничего загадочного, таинственного. Все загадки этой повести объясняются причинами сугубо реальными. Не так ли?

Однако нет, не все.

Главную загадку этой повести объяснить пока не удалось. Да и вряд ли удастся, если мы не пожелаем выйти за пределы сугубо рациональных, логических умозаключений.

Имеется в виду три карты: тройка, семерка, туз. Этого никакими реальными причинами не объяснишь. Ведь графиня не обманула Германна. И тройка выиграла, и семерка. И туз наверняка выиграл бы, если бы Германн не "обдернулся", как выразился по этому поводу Пушкин. Иными словами, если бы он по ошибке не вынул из колоды не ту карту: даму вместо туза...

В "Пиковой даме" действительно имеются три фантастических момента. Рассказ Томского, затем видение Германна и, наконец, последний, решающий момент: чудесный выигрыш Германна.

Первые два мы объяснили довольно ловко. Но этот последний, главный фантастический момент уж вроде никак не объясняется, оставаясь в пределах реальности.

Но ведь только что мы выдвинули предположение, что Германн уже давно сошел с ума. И разве его рассказ о том, как овладела им эта маниакальная идея, как всюду, во сне и наяву, ему стали мерещиться тройка, семерка и туз, - разве это не подтверждает справедливость нашего предположения?

Но почему ему стали мерещиться именно эти карты? Если считать, что графиня вовсе не являлась ему с того света и не называла никаких трех карт, если видение это было самой обыкновенной галлюцинацией, откуда тогда явились в его мозгу именно эти три названия? Почему именно тройка? Именно семерка? Именно туз?

Возьмём "Пиковую даму" Пушкина, и обратимся к тому месту, где Пушкин описывает мучительные размышления Германна, страстно мечтающего, чтобы графиня открыла ему тайну трех карт:

- "Что, если старая графиня откроет мне свою тайну? Или назначит мне эти три верные карты?.. А ей восемьдесят семь лет; она может умереть через неделю... Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал..."

Обратите внимание, что мысль Германна все время вертится вокруг трех магических цифр. Сперва преобладает идея тройки, связанная с мыслью о трех картах. Затем присоединяется семерка: восемьдесят семь, неделя (то есть семь дней). И наконец, оба числа смыкаются: "утроит, усмерит..." Что же касается туза - Германн мечтает сам стать тузом, то есть богатым, влиятельным человеком.

А теперь припомните-ка, что сказала графиня Германну, когда она явилась к нему якобы с того света: она выполнила его просьбу: назвала ему три карты, которые должны Выиграть – и это самое главное. То, что волновало Германна превыше всего. Но кроме этого она сказала, что прощает Германну свою смерть при условии, что он женится на Лизавете Ивановне. Таким образом, тут сплелось в единый клубок все, что мучило Германна: его вина перед покойной старухой, его вина перед Лизаветой Ивановной, которую он обманул.

Ну, и наконец, самое главное: его маниакальное стремление разбогатеть, сорвать крупный выигрыш.

Однако не стоит утверждать, что в "Пиковой даме", таким образом, нет ни грана фантастики.

Истина где-то посередине. Скорее всего, Пушкин нарочно построил свое произведение как бы на грани фантастики и реальности. Можно сказать, что он нарочно придал вполне реальному происшествию фантастический колорит. А можно высказать и противоположную мысль: сугубо фантастическую историю Пушкин рассказал так, что все загадочное, все таинственное в ней может быть объяснено вполне реальными обстоятельствами.

Возникает уместный вопрос: а зачем он так сделал? - ведь не проще было бы написать откровенно фантастическую повесть, наподобие той же "Шагреновой кожи" Бальзака?

Не случайно нам вспоминается "Шагреновую кожу". Невольно возникшее сопоставление "Пиковой дамы" с этой повестью Бальзака лишь подчеркивает верность исходной посылки. Круг замкнулся. Мы с вами опять вернулись к тому, с чего начали. Реализм "Пиковой дамы" не вызывает сомнений, потому что все в ней упирается в одну точку: Германна мучает совесть. Умершая графиня все время стоит перед его глазами. Оттого-то и померещилось ему ее сходство с пиковой дамой. Оттого-то он и поставил все свои деньги именно на эту самую пиковую даму, а не на туза.

Вспомните, ведь в начале нашего разговора возникала мысль о том, чтобы повесть завершилась счастливым концом. То есть чтобы Германн выиграл свои деньги, унес их домой и начал вести ту спокойную, богатую, безмятежную жизнь, о которой мечтал. Но такой финал был бы возможен только в том случае, если бы Германн был человеком совсем уж бессовестным.

Самое интересное в этой истории то, не от Пушкина зависело, какой конец придумать своему собственному сочинению.

И в самом деле зависело не только от него.

В данном случае - от Германна. В других случаях от других его героев.

Хотите, верьте, хотите, нет, но тот или иной поворот сюжета в художественном произведении очень часто определяет не воля автора, а воля его героя.